

СМИРНОВА: Прошу меня извинить за опоздание. Это была техническая задержка. Мы начинаем, больше никого не ждём. Поэтому те, кто в предбаннике ещё толкуются, либо заходите вот прямо сейчас, либо оставайтесь там.

Добрый день. Меня зовут Авдотья Смирнова. Я президент благотворительного фонда «Выход». У нас последняя панельная дискуссия в рамках III Международной конференции «Аутизм. Выбор маршрута». Эта дискуссия касается темы, которая волнует абсолютно всех. Тема будущего детей с аутизмом и настоящего и будущего взрослых с аутизмом. Тема заявлена, как «Психоневрологические интернаты, почему нельзя их закрыть прямо сегодня?»

Я представлю участников сегодняшней дискуссии:

Наталья Валентиновна Симашкова – заведующая отделом детской психиатрии и НЦПЗ, профессор, доктор медицинских наук; Мария Сиснева – клинический психолог, организатор движения «СТОП ПНИ», член Межведомственной рабочей группы по разработке основных подходов к реформированию психоневрологических интернатов при Министерстве труда и социальной защиты России; Вера Шенгелия – общественный деятель, попечитель и создатель фонда «Жизненный путь», руководитель инклюзивных программ политехнического музея; Елена Цветкова – директор «Центра содействия семейному воспитанию»; наши джентльмены: Антон Ключев – директор ПНИ №22 и Отец Иоанн – историк, клирик храма Космы и Дамиана в Шубине.

Добрый день всем. Здесь за этим столом, как вы видите, собрались люди совсем разных взглядов, и мы надеялись, что у нас состоится полноценная дискуссия. Не возражаем даже против «гибридной войны», будем противостоять только скандалу и мордобою. На самом деле, это тема, которая волнует всех. Для начала, для затравки, я хочу рассказать историю из личного опыта, которую вы потом поймёте, почему и кому я переадресовала.

В 1991 году я была в Италии, в городе Риме, там мой муж проходил стажировку. Я там была со своим девятимесячным ребёнком. Однажды я шла по улице с ребёнком в коляске, потом зашла в автобус, мне помогли, сложила коляску, ехала в автобусе с ребёнком. Ребенок у меня в тот момент был абсолютно ослепительный блондин, который очень характерно выглядел на фоне итальянцев. В автобусе ехала женщина, довольно странно одетая, женщина, которая активно жестикулировала и разговаривала сама с собой. У меня это не вызвало какого-то отторжения, ну, разговаривает и разговаривает, подумалось тоже.

Когда настала моя остановка, я стала выходить из автобуса, эта женщина помогла мне сгрузить коляску с моим младенцем и в какой-то момент стала вырывать ее у меня из рук. Я не понимала, в чем дело, я не говорила по-итальянски и недостаточно тогда понимала итальянский язык. Она жестикулировала, она вырывала у меня коляску, мы тянули эту коляску друг к другу. Данила изумленно следил из коляски за нашими манипуляциями и не понимал, что происходит.

Постепенно вокруг нас стала образовываться толпа. Толпа эта тоже стала что-то говорить, кто-то там появился с английским, я по-английски стала объяснять, что не понимаю, что происходит. Наконец привели полицейского. Выяснилось, что женщина утверждала, что это ее ребенок и что ребенка я у нее хочу забрать. По счастью, полицейский знал английский, и я ему стала объяснять, что, нет, это мой ребенок, женщина странно вела себя в автобусе сейчас. В общем полицейский долго недоверчиво следил за мной, за толпой и так далее. Меня спасло то, что ребенок был белокурый. Паспорта у меня с собой не было. В итоге оказалось, что в толпе был один из пассажиров этого же автобуса, который видел, как я входила с ребенком. Это было решающим, и меня с ребенком отпустили на все четыре стороны.

Я в довольно стрессовом состоянии пришла в итоге в тот дом, в который я шла, в дом наших друзей. Рассказала эту историю, на что мне мои друзья сказали: «А, ну это понятно, это просто, значит, сумасшедшая». Я, будучи советской девочкой, говорю: «А что сумасшедшая делает на улице?» На что мои друзья посмотрели на меня с глубоким изумлением и сказали: «В каком смысле? А где они должны быть?» Я говорю: «Ну как, где? В сумасшедшем доме». Они говорят: «У нас нет сумасшедших домов». Я говорю: «То есть?»

Выяснилось, что Италия, одна из первых стран в мире, если не первая, закрыла все психиатрические лечебницы, как таковые, и сделала следующее. В каждой больнице есть психиатрическое отделение, куда попадает человек с ментальным диагнозом в острых состояниях. То есть они мне сказали, что этот полицейский остался там не даром, он скорее всего сейчас госпитализирует эту женщину. В острых состояниях человек попадает туда, он проходит курс лечения, после чего его возвращают в обычную жизнь.

Меня это тогда абсолютно потрясло, и при том, что я, вроде как, пала жертвой этого острого состояния, я поняла, что в моей голове что-то неладно. Потому что друзья мои мне объяснили: это болезнь. Болезнь, когда она в остром состоянии, это острое состояние нужно снимать. Тебе же не приходит в голову человека с астмой навсегда запирать в больнице.

Я хотела бы адресовать первый вопрос Марии Сисневой, потому что Мария знает в подробностях разный европейский опыт, в том числе итальянский. Скажите пожалуйста, Мария, так ли я описала ситуацию?

СИСНЕВА: Да, так. Я изрядно заряжена мятежным духом итальянской психиатрии. Мне было очень приятно обучаться в Италии психосоциальной реабилитации. Приятно потому, что это страна, где система психического здоровья постоянно развивается, несмотря на то, что Италия, наверное, образцовый пример для всех остальных стран. Потому что это страна, в которой система психического здоровья полностью построена на принципах общинной психиатрии. Это уникальная страна.

Она постоянно развивается, и там для людей, у которых есть психическое расстройство или нарушение психического развития, существуют не только вот эти вот койки в обычных городских больницах. Там прекрасно развита сеть психосоциальной реабилитации. Во-первых, каждый мельчайший город имеет центр психического здоровья. Вот мы были в провинции Калабрия. Сам реабилитационный центр для людей после психотического эпизода, был в маленьком городке на полторы тысячи человек, а ближайший центр психического здоровья был в городе на восемь тысяч человек. То есть городок на восемь тысяч человек уже имеет собственный центр психического здоровья. Важно отметить, это низкопороговый центр, то есть любой человек может обратиться туда за помощью в любое время дня и ночи, даже иностранец. Никто не скажет: «А, у тебя нет в Москве постоянной регистрации, ну-ка, давай-ка лечись в Воронеже». Да? Такого нет.

Реабилитационные центры построены, как трудовые кооперативы, и период реабилитации там составляет примерно полтора года. После чего есть разные варианты для человека. Он может просто вернуться в социум и семью, потому что с семьей они работают очень много. Он может нуждаться в надомном обслуживании, оно будет ему обеспечено. Он может пойти в дом или квартиру сопровождаемого проживания. В общем, есть вариативность услуг.

Что я особенно хочу отметить: Италия сделала такой колоссальный шаг после начала реформы и принятия вот этого знаменитого закона 180 из чудовищного состояния психиатрии. То есть Италия фактически совершила прыжок. То, с чем мы имеем дело сегодня, это не настолько страшно, как было дело в Италии в 1978 году, где система психиатрической помощи была в ведении Министерства внутренних дел. Полицейским подчинялась, понимаете? Статус психически больного был приравнен к статусу преступника. Оттуда Италия сделала такой прыжок. Поэтому нам говорить, почему нельзя закрыть прямо сейчас ПНИ, в общем-то смешно. Единственная причина, почему нельзя этого сделать — потому, что пока не развита альтернативная стационарно-замещающая форма. Так давайте их развивать, а тюрьмы для инвалидов закрывать.

СМИРНОВА: Мария, правильно ли я понимаю, что итальянский опыт не остался невостребованным вне Италии и что его перенял ряд других стран?

СИСНЕВА: Да, огромное количество стран мира уже прошло процесс деинституализации системы психического здоровья, развития социальной психиатрии. Именно главная практика социальной психиатрии называется «общинная психиатрия», когда человек

получает все необходимые ему услуги на месте, не будучи вырванным из своего сообщества. То есть услуги идут к человеку. Помощь идет к человеку, а не человек к тому месту, где он будет находиться в изоляции и якобы получать там какие-то услуги. Это, наверное, главное различие.

СМИРНОВА: Я хочу задать вопрос Наталье Валентиновне. Наталья Валентиновна, почему нельзя закрыть ПНИ прямо сегодня?

СИМАШКОВА: Уровень психиатрии в России на современном этапе, в плане социальной психиатрии, он тоже улучшается. Благодаря принятым стандартам о психиатрической помощи (я буду сейчас обращаться) пребывание в стационаре, стационарная помощь, ограничивается месяцем. Потом больные переходят в дневные стационары, где это развито, где не развито, и только самые тяжелые больные – вот среди расстройств аутистического спектра, безречевые – не справляется стационарная помощь с ними. Существует система помещения в интернаты соцобеспечения. Вот то, что сегодня у нас представители разных учреждений, Елена Цветкова здесь, центры содействия семейному воспитанию ведь имеют три программы. Я детский психиатр, поэтому больше буду на детстве, потом перейду ко взрослым. Они включают интернатное пятидневное обучение, фактически. Вы знаете, отказываться от этого не надо.

СМИРНОВА: Почему?

СИМАШКОВА: Мать остается в социуме, мать может продолжить работать, а с ребенком в течение пяти дней занимаются.

СМИРНОВА: Чем?

СИМАШКОВА: Там по восьмому виду обучение ведется. И занимаются различными дополнительными видами: и арт-терапия, и музыкальная терапия – все есть. Ряд очень хороших интернатов.

СМИРНОВА: Там используются нейрорептики?

СИМАШКОВА: На субботу и воскресенье больной отдается в семью.

СМИРНОВА: Нейрорептики используются в этих интернатах?

СИМАШКОВА: Если нуждается в этом пациент. Только, если нуждается.

СМИРНОВА: С какого возраста ребенку можно прописывать нейрорептики?

СИМАШКОВА: Это по инструкции к препаратам. Можно вводить и после года, а чаще после трех лет. Кстати, очень много нейрорептиков сейчас через Минздрав запрещены в детском возрасте. С восемнадцати лет.

СМИРНОВА: Например?

СИМАШКОВА: На сайте Минздрава это выложено.

СМИРНОВА: Аминазин запрещен?

СИМАШКОВА: Только информированное согласие, если родители согласны, если родители настаивают на этом, только тогда вводится это. Поэтому закрыть... Вот сейчас если мы примем решение одномоментно все закрыть, это казенные учреждения, закрыть очень легко. Восстановить потом очень сложно. Это же деньги, это финансирование.

Так что тут, я как практик говорю, очень большой контингент больных проходит и через стационар, через полустационар, даже в НЦПЗ. В диспансерах какая сейчас помощь оказывается. Сейчас и так идет реформа психиатрии. Сейчас стационарная помощь будет минимальной. Вот это очень плохо. Вот вы говорите о нужном, когда в остром состоянии должен поступать больной в стационар. К сожалению, это будет ограничено. На диспансеры, слава богу, что согласились, что диспансерная помощь

остаётся. А так хотели перевести на обычные соматические поликлиники и соматические больницы частично. Но терапевты не подготовлены. Сделать одновременно это невозможно.

СМИРНОВА: А психиатры подготовлены?

СИМАШКОВА: Психиатры подготовлены, но их мало. Нужно сначала провести образовательный момент среди терапевтов, педиатров, невропатологов. Образовать в психиатрическом плане.

СМИРНОВА: Так, пожалуйста, Вера Шенгелия, вы хотели возразить Наталье Валентиновне.

ШЕНГЕЛИЯ: Я не знаю даже, я все-таки неправильный человек для участия в панельных дискуссиях, потому что надо, значит, как-то, видимо, взять себя в руки и спокойно по пунктам Наталье возразить, а хочется просто взорваться и куда-то отсюда катапультироваться. Просто даже не знаю, откуда начать. Мне хочется атаковать каждое ваше слово, если честно. Вы говорите, острые случаи. Дунь, ты помнишь мой текст, который назывался «Нормализация Вовы»? это был текст про мальчика, который жил в детском доме-интернате, которым вы теперь, видимо, заведуете. У этого мальчика был синдром Дауна. Никакого острого психического состояния у него не было. Он был помещен в психиатрическую лечебницу в Подмоскowie на полтора месяца. Как вам кажется, это редкий случай, исключительный случай или повсеместная практика? Это повсеместная практика, если вы вдруг не знаете. Простите, я не могу говорить последовательно, потому что все, что вы говорите, просто не выдерживает никакой критики. Когда вы говорите, что в острых случаях мы помещаем ребенка на пять дней в интернат, зато мать остаётся в обществе... Вы видели когда-нибудь статистику, с какой периодичностью мать возвращается к этому ребенку, навещает его, забирает его домой и потом, когда она пропадает? Это самый простой способ разрушить семью — вытащить оттуда ребенка на пять дней. Ну и так далее и тому подобное. О какой мы говорим срочной психиатрической помощи? Вы были когда-нибудь в психоневрологическом интернате или в детском доме-интернате? Может быть вы помните, кто-то, кто читал мои тексты, мальчик Егор, например, который тоже жил в пятнадцатом интернате. О каком психическом заболевании мы говорим? Этот ребенок, который сейчас читает, шпарит стихи наизусть, учит английский и так далее. Он там был только потому, что у него была Spina bifida, только потому, что система его туда отправила, потому что не знала, куда его отправить. О чем мы говорим? Простите.

СИМАШКОВА: Самые тяжелые больные всегда направлялись в систему соцобеспечения. Речевой ребенок, который может находиться в социуме, не должен помещаться в психоневрологический интернат.

СМИРНОВА: Но он туда помещен.

СИМАШКОВА: 8% всего, я говорю о детской популяции, нуждаются в этой помощи. Но нуждаются, Россия не Италия, это большая страна и 150 000 000. Отказаться легко, я об этом опять говорю.

ШЕНГЕЛИЯ: Отказаться очень легко — это еще одно заблуждение. Маш, помоги мне, сколько лет назад были начаты разговоры о реформе психоневрологических интернатов? Что-то никто не отказался, концепция реформы есть, реформы нет. Я все время думаю, что надо в какой-то момент проснуться и сделать сайт просто быстренько «на коленке», на котором поставить счетчик, сколько дней проходит с того момента, как реформы нет, реформы нет, реформы нет. Ее нет уже два года. Это не просто какие-то маленькие два года в чьей-то жизни, за это время такое количество людей погибло в интернатах, такое количество людей сидит на кроватях и смотрит в серую стенку, никуда не выходит, не имеет личных вещей, не видит противоположного пола, не может купить себе майку, выбрать себе зубную пасту и так далее. Этой реформы нет. Когда вы говорите, что легко отказаться, мне смешно. Маша — член рабочей группы. Маша, легко отказаться?

СИСНЕВА: Нет, ну ладно, что я член рабочей группы. Можно быть членом каких угодно групп. Я два дня каждую неделю провожу в психоневрологическом интернате из личных убеждений. Я покупаю этим людям трусы, я покупаю этим людям шампунь, я с ними гуляю, я с ними играю в скрабл. Я думаю, это дает мне некоторое право говорить от их лица. Так вот то, что в интернате находятся исключительно безречевые тяжелые люди это совершеннейшая неправда. 30% — это выходцы из детских домов-интернатов, которые попали в психоневрологический интернаты по этапу, без всякого толкового психиатрического освидетельствования. Это люди со сломанной жизнью, которые всю жизнь проведут в системе. Это так называемые психохроники, которые были «слиты» в психоневрологические интернаты именно для того, чтобы показать, что у нас произошла деинституализация психиатрии, что теперь у нас только двадцать один день в стационаре. А куда мы психохроников-то дели? А мы их лишили дееспособности и отправили на пожизненное. Знаете, лучше он 3 месяца в году будет в психиатрической больнице проводить или 4, а остальное время будет дома, чем он пожизненно будет заключен в ПНИ. Даже с экономической точки зрения это нецелесообразно. На интернаты тратятся колоссальные деньги.

СМИРНОВА: Мы дойдем еще до экономики. Я бы хотела спросить Антона Ключева. Вы — директор ПНИ №22. Насколько я понимаю, с вашим приходом, в ПНИ изменился режим возможности общения с волонтерами. Расскажите, пожалуйста, про то, как вы видите будущее вашего учреждения и какова ваша стратегия как руководителя? Куда вы хотите привести это учреждение?

КЛЮЧЕВ: Добрый день, коллеги. Давайте будем честны, не с моим приходом началось. Началось это задолго до меня. Мое понимание работы именно ПНИ, конечно, нужны общественники. Мы сейчас говорим о закрытии ПНИ. И мы все сфокусировались на учреждениях. Давайте закроем учреждения, но что будет с теми людьми, которые в этой системе живут уже достаточно давно? У кого нарушены социальные связи, кому, по сути, некуда идти. Мы завтра оставим их за бортом. Мы сделаем хорошо, мы поставили точку, всё. Закончили. Финиш. Нужно выстраивать вокруг нас экосистему. Нужно привлекать людей, привлекать волонтерские организации, какие бы у нас ни были отношения с ними, с любимыми из волонтеров. Чем больше гражданских лиц к нам заходит, чем больше людей приходят и нам как-то помогают, у нас есть персонал, мы обеспечены достаточно. Мы в принципе, что касается хозяйственной части, укреплены. Не хватает человеческого участия. По большому счету, из присутствующих, Вера Шенгелия участвует в жизни. Постоянная группа в месте с ней ездит и занимается ребятами, и у них есть прогресс, не первый год уже это происходит. Мария, которая приходит к нам по выходным, которая с нашими ребятами общается, работает с возвращением дееспособности. Марина Мень, творческое объединение «Круг», которая также имеет группу с трудоустройством и так далее. Вот мы начали этот проект, мы его развиваем. Остается только Лиза Олескина, «Старость в радость». Я собрал топов, но по большому счету — всё. В общей сложности на круг людей у нас чисто физически — человек двадцать. Пока мы не выстроим какой-то путь для человека, пока мы не дадим ему какую-то дорогу от нас... люди действительно смешанные находятся у нас, многие могут выйти и как-то продолжать. Собственно, ради этого мы тут все и находимся, работаем. Вопрос о закрытии ПНИ... Мне рассуждать об этом, наверное, не совсем правильно. Давайте закроем меня. Ну давайте закроем, что это изменит? Если мы говорим об учреждении, о стратегиях учреждения это постараться персонифицировать работу насколько это можно и максимально вовлечь сюда людей.

СМИРНОВА: Понимаете, Антон, мне тут довольно сложно, при том, что я всей душой хочу взаимопонимания и пытаюсь встать на вашу точку зрения, цель любого благотворительного фонда, настоящего, серьезного, состоит в том, чтобы закрыться. Если благотворитель не мечтает о том дне, когда его фонд закроется, просто за ненадобностью, то он профнепригоден. Я понимаю, что у просто такой единицы, как «директор государственного учреждения», такой стратегии быть не может, потому что все мы знаем, что госсистема всегда работает на самовоспроизведение и самосохранение. Да? Но вы возглавляете одно из немногих учреждений этой системы, которое все-таки допустило в свои стены общественные организации, волонтерские организации и т.д. и т.п. Потому что, как правило, эта система герметична.

Итак, если рядом с вашим психоневрологическим интернатом начнет строиться, условно сейчас говорю, социальная деревня или дом с квартирами с поддержанным проживанием, как вы будете с ними коммуницировать или конкурировать?

КЛЮЧЕВ: В настоящий момент мы будем с ними коммуницировать. У нас достаточно народу, который вполне может жить и в социальной деревне и перейти на сопровождаемое проживание. Собственно говоря, объединение «Круг» — мы к этому последовательно идем. По-моему, я на вопрос ответил. В данный момент — без конкуренции.

СМИРНОВА: Это понятно, потому что в данный момент это не существует. Но завтра это возникло. Как начнете вы менять свое учреждение, чтобы оно вступило в конкуренцию с альтернативой? Или вы не начнете менять?

КЛЮЧЕВ: Я думаю, мы говорим просто о разных программах...

СМИРНОВА: Мы говорим о стратегии.

КЛЮЧЕВ: Ну, та же самая социальная деревня, то же самое сопровождаемое проживание — в каждом из этих вот секторов будут находиться свои инвалиды со своими особенностями. В стационарах останутся самые тяжелые, те, кто не могут жить в деревне по объективным причинам, те, кто не могут находиться на сопровождаемом проживании.

СМИРНОВА: А что это за объективные причины?

КЛЮЧЕВ: Состояние: психическое, физическое. Неспособность самим себя обеспечить, обслужить. То есть этих людей будут содержать в стационаре, они будут там жить. Те, кто могут жить...

СМИРНОВА: А почему они не могут жить в социальной деревне?

КЛЮЧЕВ: Потому что они не могут себя обслуживать. По объективным причинам.

ШЕНГЕЛИЯ: Вы же были на Валдае, вы видели наших домашних взрослых...

СМИРНОВА: Подождите, давайте послушаем Отца Иоанна. Мне очень интересна позиция Церкви, тем более Церкви, работающей в этом поле.

ИОАНН: Знаете, я, во-первых, хочу сказать, у меня, скажем так, две ипостаси. Или одна ипостась и две природы. Дело в том, что я священник и, безусловно, по долгу службы бываю в «психушках», потому что просто навещаю своих прихожан, которые по той или иной причине туда попадают. Об этом я могу отдельно рассказать и расскажу обязательно. Но, с другой стороны, я — итальянец и брат психиатра. Точнее, родной брат возглавляет психиатрическую службу в области Сардиния, в какой-то части Сардинии. И вот что здесь интересно — статистика. Мы начали как раз с опыта Италии, который чрезвычайно важен, как мне кажется. Но здесь статистика. Я бы хотел добавить, чтобы мы имели представление, о чем идет речь.

Да, вы правильно сказали, в каждой деревне есть центры психического здоровья, безусловно. Но! Осторожно: это не интернат, это амбулаторное лечение. Да? Есть ли интернаты? Закрыли «психушки» ровно 40 лет назад, и никак не жалеют. То есть, я спросил брата. Безусловно, надо было это делать, просто делали поздно — 40 лет назад. Проблема другая. Есть случаи, когда требуется госпитализация, вот тут очень важна статистика. Вот представьте себе, это называется «Служба диагноза и лечения» это и есть, скажем так, стационар. Так вот, это одно место на каждые десять тысяч жителей, это раз. Два: чтобы человек туда попал — это чрезвычайно сложно, потому что два психиатра и лечащий врач должны составить совместно документ. Это довольно сложно. И должны доказать, что амбулаторное лечение недостаточно, они должны привести какие-то доказательства, абсолютно серьезные. И максимум человек, скажем так, интернируется в течение недели, после чего он проходит повторно комиссию, которая должна либо продлить срок, либо его, так сказать, с пользой вылечили и считаем, что он не вреден для общества. Есть всякие разные

службы, когда срочно что-то случилось, или, когда принудительная госпитализация, лечение и так далее.

Еще другая статистика, которая, как мне кажется, чрезвычайно важна: те люди, которые страдают психическими расстройствами и совершили какие-то преступления, то их, безусловно, лечат, иногда и принудительно. Так вот, представьте себе, Сардиния – это полтора миллиона жителей, и там только десять мест таких. Я не очень помню, вы говорили, 8% детей нуждаются в лечении?

СИМАШКОВА: Нуждаются в помещении, как в интернаты психоневрологические.

ИОАНН: Помещении – то есть госпитализации? Госпитализация 8% детей.

СИМАШКОВА: Не госпитализацию, в интернаты.

ИОАНН: Интернаты. Так это стационарное обслуживание.

СМИРНОВА: Простите, я не совсем понимаю, что такое «нуждаться в интернатах». Помоему не нуждается в интернатах ни одна живая душа на свете.

ИОАНН: Но, друзья, простите, 8% детского населения...

СИМАШКОВА: Не-не-не-не. Это не из общей популяции, не из детского населения, а из людей, страдающих психическими расстройствами. Я на общее население не перехожу, что вы.

ИОАНН: Простите, просто испугались.

СМИРНОВА: Вот Елена Цветкова возглавляет то, что сейчас так прилично и симпатично называется «Центр содействия семейному воспитанию «Кунцевский», да? Насколько я понимаю, это вообще-то детский дом-интернат был в анамнезе?

ЦВЕТКОВА: Да, он назывался детский дом-интернат для умственно отсталых детей. И у нас на сегодняшний день 75% – это дети-сироты. Это дети, которые лишены возможности уйти в семью, то есть им просто некуда идти. Этот дом – единственное место их проживания.

Коль скоро затронули тему детских учреждений, то мы вообще стремимся уйти от того, чтобы учреждение было звеном какой-то цепи. Мы для себя определили, что этот дом это дом, в котором живут дети. У нас за два с половиной года, коль скоро мы говорим о статистике, на сегодняшний день 250 в доме. Когда я пришла два года назад, там было 344, и, когда я увидела условия, в которых проживают дети... Как мой коллега Антон, могу сказать, что эти изменения начались до меня, но как-то особо интенсивно они за последние два с половиной года начали развиваться. Условия были чудовищные. Я думаю, Вера видела то, что не видела я – по счастью, я этого не видела – но то, что я видела, меня впечатлило. В общем, в эти два с половиной года мы потратили на то, чтобы из казенного учреждения, казенного дома, в котором живут умственно отсталые дети, сделать домом, в котором живут дети с разными проблемами со здоровьем. За последние два с половиной года у нас ни одной психиатрической госпитализации, ни экстренной, ни плановой не было. У нас не кормят детей лекарствами, у нас нет того, что вы называете аминазином. Этого нет. Понимаете, мне очень хочется, чтобы завтра наш детский дом закрыли. Вот у меня сегодня было общее собрание, очередное... Мы довольно часто встречаемся с коллективом, у нас 500 человек работает, поэтому это довольно большая махина. Мы самое большое учреждение в Москве. Я все время им впускаю мысль, что будет счастье, когда нас закроют. Я правда так думаю. Знаете, когда объявили реновацию, я со своими коллегами в шутку обсуждала: «Давайте подадим на реновацию, пусть нас снесут и построят маленькие домики вместо нас». Но мы живем здесь и сейчас. Мы живем сегодня.

СМИРНОВА: А вот скажите, пожалуйста... Елена, простите, что перебиваю, просто это важно. Когда вы пришли в это учреждение, у скольких детей стояли психиатрические диагнозы?

ЦВЕТКОВА: У 100%, у 344.

СИМАШКОВА: Умственная отсталость.

СМИРНОВА: А сейчас?

ЦВЕТКОВА: Она никуда не делась.

СМИРНОВА: А вы проводите тестирования?

ЦВЕТКОВА: Безусловно. К сожалению, так исторически сложилось, видимо, потому, что большой дом, большие реабилитационные, просто технические, физические условия, туда все время направляли детей, преимущественно направляли детей, тех, которые помещались в отделения милосердия. Это большой прорыв для системы, на самом деле, что мы ушли от таких формулировок, у нас нет никаких отделений, у нас есть семейные группы, мы приближаемся к квартирам. У нас уже есть квартира отдельная, но, к сожалению, дети, имеющие статус паллиативных, у нас на сегодняшний день 70 таких детей... Мы не готовы пока перейти, сделать следующий шаг. У нас нет ресурсов внутренних. Страшно. Мы не готовы физически. Мы не можем сделать технически, просто формально поставить стены, чтобы они были, но при этом не обеспечить безопасную жизнь детей. А вторая категория детей – это дети с тяжелыми поведенческими нарушениями, сопровождающимися умственной отсталостью, глубокой умственной отсталостью. Большинство детей имеет глубокую умственную отсталость.

Понимаете, как говорится, маленький шаг для человечества – огромный шаг для человека. Когда я пришла, у нас было порядка восьми групп детей... Да, я не буду скрывать, расскажу вам то, что я увидела при первом посещении. Комната 12-14 метров, 10-12 человек, довольно взрослых мальчиков, лет 16-17, в тренировочных штанах по голой комнате ходят от угла до угла. Комната не оснащена ничем, на мой вопрос «почему?» – «Потому что они все бьют, все едят и все разгрызают». Штор нет. Ну, в общем, это чудовищное было, понимаете? Система помощи сделала огромный шаг. Я знаю, что мои коллеги в регионах очень много пытаются изменить, но Москва в этом смысле сделала действительно гигантский шаг. Потому что у нас изменились штатные расписания, и теперь на группу работает 3 человека, которые не в режиме челночном, а они работают с этими детьми, они их знают. Мы вот тех детей, которые 8 групп...

ИОАНН: Простите, а группы – это сколько человек?

ЦВЕТКОВА: 8 человек. Максимум 8 человек. У нас есть группы по 6 человек. Вот тех самых «тяжелых» детей... Понимаете в этих группах работали мужчины, потому что дети от того, что ими не занимались, проявляли агрессию – ну, все же понятно, все взаимосвязано. Мы переселили их в совершенно другие условия. Они увидели игрушки. У нас на сегодняшний день одна такая группа и то, она постоянно ротируется. Если у ребенка есть какие-то поведенческие сложности, мы добавляем специалистов, сейчас активно внедряем АВА, обучились многие. Понимаете, ведь самое главное...

СМИРНОВА: То есть, правильно ли я понимаю, что вот те 10 16-летних, которые все били, разгрызали, срывали и так далее, при работе с ними перестают давать такие проявления?

ЦВЕТКОВА: Конечно. Просто, понимаете, эта работа требует ресурсов человеческих. Я соглашусь с Антоном. Поэтому, когда к нам обращаются общественники, я говорю, ребят, нам осталось только, понимаете, двери снять и окна выбить. У нас дом настолько открыт для общественников и для волонтеров, что я не знаю, куда дальше. Я настолько благодарна, потому что вот эта помощь извне, она вообще качественно меняет жизнь детей. У нас появились личные волонтеры у очень тяжелых детей. Мы нашли выходы, например, по тяжелым детям, простите за неклассический термин, по психотикам, которые бьют и рушат. Да, мы выделяем отдельного сопровождающего специалиста, который прогуливается, проводит индивидуальные спортивные занятия, который нагружает физически его. Мы не делаем каких-то гигантских прорывов, потому что, ну, понимаете...

ШЕНГЕЛИЯ: Вы же знаете, что ждет ваших детей по достижении 18 лет?

ЦВЕТКОВА: А я вам расскажу, что наших детей ждет. Опять-таки, это ничтожный шаг для человечества, но важный шаг для человека. Мы договорились, например, с одним благотворительным фондом, который возьмет... Во-первых, извините, я начну сначала. Наши дети в 18 лет не уходят в ПНИ, мы оставляем их у себя до 23.

СИСНЕВА: А после?

ЦВЕТКОВА: Дайте время. Дайте время. Система... Дом, про который вы говорите, я понимаю, о чем вы говорите. Но он работал до меня 55 лет. Вы давно работаете директором, Антон?

КЛЮЧЕВ: Меньше года.

ЦВЕТКОВА: Ребята, дайте нам время! Я знаю, самое чудовищное, что когда я об этом говорю, чья-то жизнь проходит. Все время про это думаю. Но я не могу сделать то, что не было сделано до меня или до Антона. Мы же — люди. Понимаете?

СИСНЕВА: При всем уважении к проделанной работе, понимаете, дом не может быть на 250 человек. Это должно быть ограничено законодательно. Когда мы берем опыт других стран. Любое, если это стационарное учреждение или реабилитационный центр, это 15-20 человек. 150 000 000 в России. Хорошо, давайте это будет 50 человек, но не 250 и не 500. Потому что создать домашние условия на 250 человек невозможно.

ЦВЕТКОВА: Согласна с вами.

СИСНЕВА: Инклюзия начинается там, где процент людей с какими-то особенностями и расстройствами не больше 10%, а лучше бы и меньше.

ЦВЕТКОВА: Маш, скажите, пожалуйста. Я за то, чтобы детского дома не было. Завтра. Куда? Вот правильно сказала Наталья Валентиновна: вот скажите технически, куда?

СИСНЕВА: Во многих странах реформа как раз начинала изнутри учреждения. Прогрессивно рассуждающие директора, врачи вместе с родителями, семьями, волонтерами шли к государству и говорили, помогите нам создать альтернативные формы поддержки жизни, образования, трудоустройства для таких людей.

ЦВЕТКОВА: Маш, у нас сироты. У меня в учреждении 180 сирот.

СИСНЕВА: Я понимаю, но это не значит, что для них нельзя создать какие-то альтернативные формы жизни.

ЦВЕТКОВА: Конечно нельзя. Можно я тогда Вере отвечу про «после 18»? Мы договорились с благотворительным фондом, и порядка 10-12 ребят уйдут у нас жить не в ПНИ. Они пойдут жить в фермерское хозяйство, где для них построят дом. У нас совместный проект есть. Я понимаю, что это малая толика, малый процент. Часть детей, как это ни странно, у нас уйдут на сопровождаемое проживание к взрослым волонтерам, которые за эти два года к ним давно прикипели. Я понимаю, что это тоже капля в море, но это те шаги, которые мы можем сделать сейчас.

У меня, в свою очередь, вопрос. Скажите, пожалуйста, а что-нибудь про сопровождаемое проживание, в плане регламентации этих шагов? Понимаете, нам сложно. У меня недавно... Отец Иоанн, на базе у нас проходят стажировки, я просто не знала, что стажировки бывают у священнослужителей. Когда они к нам приезжают учиться пасторству, как оказывать помощь таким детям, я провожу для них экскурсии. Мне самой интересно, потому что это люди с разным опытом со всей России. Один меня спросил: «Какой у вас бюджет?» Я ему сказала. Он говорит: «Это похлеще, чем в монастыре». Я говорю: «Вы знаете, в монастыре у всех одна библия, а здесь у всех разная». Хозяйство огромное.

Про сопровождаемое проживание, наверное, должны говорить общественники. Потому что мы просто на разрыв. Когда в семье один ребенок, иногда не знаешь, что с ним

делать, когда их двое — это труба. Вот у меня двое внуков. Я домой прихожу, и мне хочется найти какую-нибудь подходящую петлю. А когда их 250, ты должен думать о том, что здесь надо операцию, тут надо договориться об этом. У нас детей оперируют в клинике президента. Ну, это круто, им делают высокотехнологичные операции, которых не делали никогда! И это тоже наша работа, потому что у них нет родителей. А сопровождаемое проживание, может быть, вы на себя возьмете, общественники? Помогите нам.

ШЕНГЕЛИЯ: Давайте мы еще что-нибудь на себя возьмем, а то у нас мало внуков и мало детей. Проблема перекалывания ответственности никогда никуда не денется, и к этому мы привыкли.

ЦВЕТКОВА: Мы не перекалываем ответственность.

ШЕНГЕЛИЯ: Давайте мы еще что-нибудь на себя возьмем — не вопрос. Я просто хочу напомнить одну простую вещь. Мы тут много говорим про реформу итальянской системы. Я хочу напомнить, кем был Франко Базалья, который ее инициировал. Он был психиатром, как и куча других антипсихиатров, которые начали реформу психиатрических заведений по всему миру. Это была государственная реформа. Она началась изнутри, потому что люди в какой-то момент сказали: «Это несовместимо с моим человеческим достоинством. Я не могу приходить на работу и видеть, как вы на «вязках» держите таких же как я людей, моих вчерашних соседей». Поэтому, когда вы жалуетесь, я, с одной стороны, с какой-то маленькой стороны, вам сочувствую, а с другой стороны, вы же согласились на эту работу. Вы же зачем-то туда пришли. У вас какая-то была идея, а теперь вы говорите, что у вас 250 человек, и это много.

ЦВЕТКОВА: Нет. Во-первых, я не жалуюсь. Во-вторых, я четко понимаю, что до моего прихода детям было хуже, чем в момент, когда я пришла. Я знаю, что их жизнь изменилась. Я знаю, что мы колясочников-ребят вывозим в магазины и показываем им, как продается хлеб — и они могут купить этот хлеб. Они теперь знают, что этот хлеб им не со склада поставляют, а где на самом деле его покупать. В этом году мы первый раз паллиативных детей вывезли на отдых в Крым, понимаете? Поэтому я не жалуюсь. Самое главное...

СМИРНОВА: Милые дамы, позвольте я несколько снижу градус, потому что мне кажется, что Елена — это вряд ли тот человек, которому тебе, Верико, нужно объявить войну. Насколько я понимаю, Елена, Антон — люди наиболее продвинутые во всей этой системе на сегодняшний день. Хотя бы потому, что сюда пришли и с нами разговаривают. В принципе, конечно, Верико, мы можем с тобой взять два автомата, выстроить их всех у стены сейчас и расстрелять. Ты думаешь, что те которые остались...

ШЕНГЕЛИЯ: Я просто не считаю, что раз вы сюда пришли — это заслуга. Вы государственные чиновники.

СМИРНОВА: Спокойно.

ШЕНГЕЛИЯ: Вы должны отвечать перед этим народом.

СМИРНОВА: Верико!

ШЕНГЕЛИЯ: Перед обществом. Передо мной. Перед журналистами.

СМИРНОВА: Верико, был задан вопрос.

ШЕНГЕЛИЯ: Давай не будем делать вид, что это заслуга.

СМИРНОВА: Верико, но давай при этом не будем делать вид, что люди, которые пытаются что-то сделать в этой системе, как-то ее гуманизировать, — наши главные враги. Мне кажется, что Наталья Валентиновна, к которой я отношусь с огромным почтением, ко всем ее научным регалиям, гораздо больше заслужила звание нашего идейного врага. Потому что как раз Наталья Валентиновна считает, что интернат — это хорошо, ПНИ закрывать не надо, можно детям прописывать аминазин и галоперидол,

даже в 3 года. При том, что мировая наука считает, что это уничтожает их мозг. Вот, пожалуйста, я предлагаю затеять полемику с Натальей Валентиновной. (аплодисменты)

СИСНЕВА: Можно, пожалуйста? Я хочу подчеркнуть один момент. Самое главное, что я услышала от Елены — что она понимает, необходимость альтернативных форм жизнеустройства. Другое дело, что лицемерием было бы сказать, что эти формы жизнеустройства должны организовывать общественные организации. Нет, их должно организовывать государство, потому что сегодня у общественных организаций есть на это деньги, а завтра — нет. И что? Куда пойдут эти люди?

ЦВЕТКОВА: Мария, вы не поняли меня. Я не говорю вам, что вы должны строить нам эти формы. И что вы нам обязаны. Я говорю о том, что у нас существует законодательный пробел, который не позволяет нам дальше двигаться.

СМИРНОВА: Послушайте, я все-таки сейчас волей модератора прекращаю внутривидовую борьбу, которая, как известно, самая горячая, и перехожу к межвидовой. Наталья Валентиновна, вам слово, пожалуйста. Ваша лебединая песня.

СИМАШКОВА: Сначала — ремарка. В поддержку Антона и в поддержку Елены. Есть независимый психиатр — Савенко. Вы его знаете. Он представляет общество независимой психиатрии. Взрослой психиатрии. Так вот ща последние 5 лет он совершил ревизию психоневрологических интернатов Москвы и Подмосковья. Его заподозрить в том, что он лицемерит невозможно. Что есть, то есть. Он высоко оценил и московские интернаты, и подмосковные. Один, кажется, в Нарофоминске... Нет, нет, нет, слушайте, это факты! Который в очень плохом здании находится, а персонал хороший. Расположено к людям все. Теперь о городах будущего. Великолепная альтернативная форма интернатов, но не деревня с поселениями, а именно города. Если говорить об аутизме — то для взрослых с аутизмом. В этот город входят...

СМИРНОВА: Это гетто, да? Сегрегация? Мы отселяем аутистов в гетто?

СИМАШКОВА: Не-не-не, не в гетто. Спаси и сохрани.

СМИРНОВА: Ну как нет? Это же гетто, если мы их вместе поселяем.

СИМАШКОВА: Это социум.

СМИРНОВА: Это гетто. Гетто — это социальное явление.

СИМАШКОВА: Бельгию в этом заподозрить как-то сложно, а с Тео Питерсом мы много лет сотрудничали, и теперь со взрослыми психиатрами.

СМИРНОВА: А в Бельгии нету гетто.

СИМАШКОВА: Эти города, о чем мы с вами говорим, по специальностям. Есть человек-машина, как заложено. Я говорю сейчас об аутизме, сегодня я представляю это направление психиатрии. Есть человек-искусство, есть человек-техника. Множительная техника привлекает больше всего этих людей. Они могут работать, они могут зарабатывать деньги.

СМИРНОВА: Так значит они могут работать внутри нашего обычного социума, правильно?

СИМАШКОВА: Да.

СМИРНОВА: То есть мы не организуем никакие специальные города?

СИМАШКОВА: Но посещая этот город будущего, как я его называю. Это практика будущего.

СМИРНОВА: В смысле посещают? То есть они не живут в нем? Где они живут?

СИМАШКОВА: Они живут в семьях, это взрослые люди.

СМИРНОВА: То есть они живут у себя в семье.

СИМАШКОВА: Да. А ходят, как на работу, в этот город.

СМИРНОВА: Прекрасно! Так?

СИМАШКОВА: Это великолепная форма помощи, она сейчас миром строится.

СМИРНОВА: Это не стационар, а это место работы?

СИМАШКОВА: Нет. Это социальная поддержка, это социальная область вообще. Не стационар, не медицина.

СМИРНОВА: Так, а почему мы не можем это сделать?

СИМАШКОВА: (смеется) Можем это сделать, финансы нужны. Поддержите, фонды!

СМИРНОВА: Извините, пожалуйста, а вот насчет финансов я тут с вами поспорю. Потому что количество финансов, которое государство тратит на одного жителя психоневрологического интерната, если бы эта сумма доходила до него, он бы очень неплохо жил в социуме и даже создавал рабочие места для других людей. Потому что из своего пособия был бы в состоянии платить домработнице или кухарке, я извиняюсь.

СИМАШКОВА: Так за рубежом. Они и живут так в социуме.

ШЕНГЕЛИЯ: За каким рубежом? За каким за таким рубежом?

СИМАШКОВА: Это в ведущих странах: в Англии, в Бельгии, это, между прочим, и в Соединенных Штатах.

ШЕНГЕЛИЯ: Только что вернулась из Англии и Соединенных Штатов. Там все по-разному. В США 50 штатов, каждый из которых устроен по своей определенной системе: где-то ваучер, где-то выплаты, где-то НКО помогают, где-то государство. О чем вы говорите?

СИМАШКОВА: Ну, вы знаете, это новое дело. Аутизмом у взрослых, например... Я говорю об аутизме сейчас. Душевыми заболеваниями разными... Вот вы занимаетесь умственной отсталостью, а в популяции очень большой процент умственно отсталых. Если взять психиатрические нозологии, то умственная отсталость широко распространена.

СМИРНОВА: Наталья Валентиновна, я ничего не путаю? Мне кажется, что не так давно, Зураб Ильич Кекелидзе говорил об обследовании психического здоровья школьников и сказал сенсационную цифру, что норме соответствует где-то около 30%. Я ничего не путаю?

СИМАШКОВА: Нет, такого нет.

СМИРНОВА: А был с точки зрения психического здоровья скрининг школьников за последнее время?

СИМАШКОВА: Скрининг большой по стране не проводился. Сейчас дошкольников проводят.

СМИРНОВА: Так. И какой он дает результат?

СИМАШКОВА: Школьники — это пока проект. Это будет. Эпидемиология, распространенность.

СМИРНОВА: Хорошо, сейчас отечественная психиатрия, берем только детскую. По вашим данным, в процентном отношении какое количество детей, в популяции до 18 лет, соответствует нормам психического здоровья?

СИМАШКОВА: Цифры, что слишком мало соответствует, они не истинные. Скрининги не проводились.

СМИРНОВА: А на что вы тогда опираетесь?

СИМАШКОВА: Не знаю, на что опираются, когда такие цифры заявляют. Это будущее, и этому и посвящена ваша конференция. Это должно вводиться в стране.

СМИРНОВА: Так, погодите. Вы сказали, что 8% психически больных...

СИМАШКОВА: Ну, они 20% дают.

СМИРНОВА: 20% чего?

СИМАШКОВА: Психически не совсем здоровых. По разным нозологиям. Это и СДВГ сюда входит, личностная патология, умственная отсталость, аутизм, шизофрения. Ну, самые разные нозологии. 20% примерно. Это большая цифра, и внимание надо привлекать к этому.

А вот я хочу коллегам итальянский опыт... По данным ВОЗа, старость наступает очень рано. С этим невозможно согласиться, но в 40 лет уже геронтология. В Италии, я знаю, хорошие дома престарелых. Извиняюсь, это я перехожу... Куда? А куда можно? И 40 лет это уже...

СМИРНОВА: Погодите, сейчас вообще наоборот передвигается граница старости.

СИСНЕВА: Нет, в Италии они говорят так: 50 — это новые 30, а 70 — это новые 50. Но то, что прослойка людей пожилого возраста становится больше за счет увеличения продолжительности жизни населения — это понятно, да. В Италии я объездила все. Я и в детских центрах была, но детские центры там вообще топовые, я даже не буду рассказывать потому, что вы начнете плакать. Производство свое, они даже доходность приносят. Не будем сыпать соль на рану.

Что касается, для людей пожилого возраста, к сожалению, в Греции, на Кипре, в Италии, несмотря на то, что это такие патриархальные страны, отдают пожилых людей с деменцией, с Альцгеймером в эти дома. Но они, извините, рассчитаны на 15-20 человек. Они действительно живут так, что каждая медицинская сестра знает досконально все странности, все предпочтения того, за кем она ухаживает.

СМИРНОВА: Итак, Наталья Валентиновна, вы считаете необходимо ли разукрупнение интернатов или нет?

СИМАШКОВА: И разделение должно быть. Все же для психохроников отдельное выделять. А ведь часть из них улучшаются, у вас, поди, тоже?

КЛЮЧЕВ: Улучшаются-улучшаются.

СИМАШКОВА: Жилье вы им даете? Права возвращаете?

КЛЮЧЕВ: Жилье не вернули пока, сейчас в процессе. Сейчас пока дееспособность у нас.

СИМАШКОВА: При хорошо поставленной работе здесь есть выход. Это социальные задачи.

СМИРНОВА: Наталья Валентиновна, можно еще вопрос? Я поняла, когда Елена говорит, что не может пока что закрыть свой интернат потому, что там живут сироты. Непонятно, куда они пойдут. Если мы сейчас говорим не о сиротах: почему нельзя закрыть те интернаты, в которых живут не осиротевшие дети?

СИМАШКОВА: Здесь как раз о сиротах нельзя говорить, сейчас ведь Государственная Дума и Володин, слава богу, вернули и детские дома и сиротские учреждения. Слава богу!

СМИРНОВА: Но Володин-то, безусловно, слава богу. Вообще слава богу, что он в России, а не где-нибудь еще.

СИМАШКОВА: Два года возвращали. Слава богу, что это есть. Ну, потому что нельзя...

СМИРНОВА: Быть красивой такой? Я согласна.

СИМАШКОВА: Два года назад объединяли сиротские учреждения со школами восьмого вида. Сливали.

СМИРНОВА: А нельзя, да?

СИМАШКОВА: Это приводило к чему? Это приводило к нарушению обучения.

СМИРНОВА: То есть нужно оставить коррекционные школы отдельно?

СИМАШКОВА: Я только о коррекционных говорю. По умственной отсталости.

ЦВЕТКОВА: Наталья Валентиновна, у нас дети не учатся внутри.

СИМАШКОВА: Вообще не учатся?

ЦВЕТКОВА: Нет. Ни один ребенок внутри не учится. У нас из 250 детей 120 детей ежедневно выезжают в школы.

СИМАШКОВА: У вас тяжелые, да? УО, с имбецильностью?

ЦВЕТКОВА: Мы даже колясочников вывозим. У нас дети с глубокой умственной отсталостью.

СИМАШКОВА: Ну да, с имбецильностью.

ЦВЕТКОВА: А к остальным приходят учителя, но тоже не наши — из школ соседних.

СМИРНОВА: А почему это плохо? Почему это ужасно?

СИМАШКОВА: Вот это ужасно. Система обучения должна быть.

СМИРНОВА: Почему? Так она есть, она просто не внутри учреждения.

ЦВЕТКОВА: Система обучения есть! Они просто выезжают. Вы же дома своих детей не учите? Вы же их в школы отправляете?

СИМАШКОВА: По восьмому виду обучаете?

ЦВЕТКОВА: У нас не восьмой вид, Наталья Валентиновна.

СИМАШКОВА: Хоть 8 и 4, да.

ЦВЕТКОВА: Я понимаю. Но у нас дети не по восьмому виду. У нас дети по девятому, а то и по десятому виду должны! У нас дети тяжелее, чем те, которые обучались в школах восьмого вида. Это дети с тяжелыми множественными нарушениями, отягощенными глубокой умственной отсталостью.

СМИРНОВА: И вы их возите в школы?

ЦВЕТКОВА: Конечно.

СМИРНОВА: Так что в этом плохого? (аплодисменты)

СИМАШКОВА: В школу-то возите.

СМИРНОВА: Так это же прекрасно.

СИМАШКОВА: В имбецильный класс возите. Ну, так они же обучаются у вас.

СМИРНОВА: Наталья Валентиновна, скажите, пожалуйста, а вам не режет слух вся эта терминология: имбецильный класс, олигофренопедагогика?

СИМАШКОВА: Они еще так называются. Это плохие слова, поэтому сейчас уже в МКБ-10 стоит «умственная отсталость». Не все понимают степени: легкая, средняя, тяжелая. Пользуемся пока старой терминологией.

СМИРНОВА: Вы считаете, что ее надо менять, да?

СИМАШКОВА: Да.

СМИРНОВА: А есть изнутри отечественной психиатрии какие-то предложения, как изменить терминологию?

СИМАШКОВА: Во-первых предложение, что каждый ребенок имеет право на образование и по закону оно должно быть. Обучать надо всех.

СМИРНОВА: Это, извините меня, сфера Министерства образования, это закон об образовании, он принят. И он принят без участия психиатров. Психиатрия изнутри предлагает замену этих терминов на другие?

СИМАШКОВА: Терминологии? Уже заменена. В МКБ-10 уже стоит: легкая, средняя, тяжелая и глубокая умственная отсталость.

СМИРНОВА: Так, а откуда тогда берется «имбецильный класс»?

СИМАШКОВА: Уже не «дебильность», не «имбецильность».

СМИРНОВА: Как? Ну вы же только что употребили.

СИМАШКОВА: А школы еще идут по этим градациям.

СМИРНОВА: Ага. Ну, я, честно говоря, не слышала. Я чувствую, что тут в аудитории назрели вопросы. Вот Татьяна Евгеньевна Поветкина, город Воронеж. Татьяна, представьтесь, пожалуйста, со степенями.

ПОВЕТКИНА: Татьяна Поветкина. Лучше не представляться...

СМИРНОВА: Со степенями, со степенями.

ПОВЕТКИНА: Ой, я сейчас постараюсь взять себя в руки. Самое страшное, что вы флагман медицины. Вы же флагман! Я один из самых мирных и интеллигентных людей в этой аудитории, но я вам говорю: вот вы флагман медицины, что нам делать тогда, раз вы говорите сейчас такое? Психотерапию нам устраиваете.

Я хочу сказать, что в государстве огромное количество денег. Огромное. В городе Воронеже строятся интернаты. Один интернат на 100 человек – это 400 000 000 строительства, и 120 человек обслуживают 100 человек. Вот мои деньги налогоплательщика – я трудно живу, трудно работаю – почему мои деньги тратятся вот на это? На эту хрень! Я даже не знаю, как сказать. И сколько стоит обслуживание человека в этом психоневрологическом интернате? То же самое с детскими и так далее. В государстве огромное количество денег.

Налогоплательщики, давайте встанем и вообще вот это прекратим. В начале круглого стола я вообще думала как-то, что можно развивать альтернативно, нет. Завтра,

давайте закроем вот эти ПНИ, чтобы вот этого всего не слушать. У нас есть прекрасный, может быть, Антон Ключев. Он прекрасен. Но люди, которые попадают в его учреждение, лишаются социализации и не могут потом выйти потому, что они не способны потом выйти, через месяц пребывания в этом хорошем учреждении. Это же преступление, потому что вы опекун этих людей. Вы персональную ответственность несете за 50%.

СМИРНОВА: Татьяна Евгеньевна, прошу.

ПОВЕТКИНА: Нет, я уверена, что Антон Ключев — это хороший человек. Я имею в виду, людей, которые попадают в эту систему.

СМИРНОВУ: Дело в том, что это не персонально к Антону и, насколько я знаю, Вера Шенгелия возит свои лагеря и, в том числе, подопечных Антона. Я правильно понимаю?

ПОВЕТКИНА: Давайте закроем ПНИ завтра.

ШЕНГЕЛИЯ: Да, Дунь, их 10 человек. А еще у Антона есть 590. Этажи открыли? Вот полтора года ходим, и я все спрашиваю: а с этажа можно человеку выйти?

КЛЮЧЕВ: 551.

ШЕНГЕЛИЯ: Просто с этажа, Дунь. Ну, вот ты живешь 20 лет. Можно просто с этажа выйти?

КЛЮЧЕВ: Выйти можно.

ШЕНГЕЛИЯ: Кому, Антон? Маш!

СИСНЕВА: Правда состоит в том, что, когда я прихожу в воскресенье в интернат, несмотря на то что я работаю с группой людей, которые претендуют на ограниченную дееспособность, то есть это вполне сохранные люди, мне приходится идти на этаж, за каждого из них расписываться и забирать человека с этажа. В Москве есть два интерната, где этажи открыли, кроме двух, которые предназначены для людей с тяжелыми поведенческими нарушениями: это тридцатый интернат и восемнадцатый. Там этажи были открыты год назад, и ничего страшного не случилось. Никто никого не убил, никто не повесился, не упал, не сломал ногу. Давайте я вас спрошу на дискуссии при массе свидетелей: когда вы откроете этажи?

КЛЮЧЕВ: Приперли вы меня к стенке, конечно. Этажи, скажем так, и открыты, и закрыты. Есть режим, он не вчера появился и не со мной.

СИСНЕВА: Режим есть в тюрьме.

ШЕНГЕЛИЯ: У вас дома есть режим? В вашей квартире вам может кто-то ограничить выход?

КЛЮЧЕВ: Вы знаете, я открываю дверь, когда в нее вхожу. Ну, когда я в нее вхожу, она у меня закрыта.

ШЕНГЕЛИЯ: Вы сами закрываете или вас кто-то там запирает? Вы можете купить бутылку коньяка и принести ее в дом на Новый год?

КЛЮЧЕВ: Могу.

ШЕНГЕЛИЯ: Консьержка шмонает сумки?

КЛЮЧЕВ: Нет, не шмонает. Мне — нет. Не шмонает.

ШЕНГЕЛИЯ: Да. А ребята, которые к нам приезжают — взрослые ребята, мои ровесники — мне просто неловко. Я могу купить бутылку шампанского и прийти ее выпить, а вот моя ровесница и моя подружка из интерната не может. И ножниц у нее нет маникюрных, поэтому она приходит и говорит: «Заусенец, постриги заусенец». И я,

тридцативосьмилетняя женщина, другой тридцатипятилетней женщине отстригаю заусенец. Я сейчас не буду вам про прокладки и все остальное рассказывать. Но это же в вашем интернате, Антон?

КЛЮЧЕВ: И в моем.

ШЕНГЕЛИЯ: А телефон мобильный?

КЛЮЧЕВ: Телефон мобильный есть.

СМИРНОВА: У меня быстрый вопрос: скажи, пожалуйста, Верико, если завтра Антона уволят и назначат другого человека, станет лучше?

ШЕНГЕЛИЯ: Нет, конечно. До Антона работал Андрей. Я его любила больше, но в целом все было то же самое. (смех в зале)

СМИРНОВА: Ага. Вы поняли, да, что это история о любви? Скажите, пожалуйста, Антон, можно мне тогда легкий блиц? Курить вашим подопечным разрешается?

КЛЮЧЕВ: Курить разрешается.

СМИРНОВА: Где?

КЛЮЧЕВ: В специальном месте для курения.

СМИРНОВА: Сколько раз?

КЛЮЧЕВ: Три-пять раз в день. Объективно говорю, как есть. Я понимаю, что вы как курящий человек на меня смотрите... Ну, не под конвоем, конечно.

ШЕНГЕЛИЯ: И не когда, когда ты сам захотел, а когда еще двадцать мужиков соберется, и мы все пойдем.

СМИРНОВА: А почему?

КЛЮЧЕВ: Потому, что у нас есть определенный режим. На самом деле не все под конвоем. Кто-то ходит, кто-то нет. Конечно, есть вот это все...

СМИРНОВА: Скажите, пожалуйста, ваши родители живы?

КЛЮЧЕВ: Да.

СМИРНОВА: У вас есть в семье кто-то курящий?

КЛЮЧЕВ: Нет.

СМИРНОВА: И никто никогда не курил?

КЛЮЧЕВ: Ну я курю, периодически.

СМИРНОВА: Вы курите?

КЛЮЧЕВ: Да. Как тут не закуришь. (смех в зале) Три или пять — отвечаю. (смеется)

СМИРНОВА: Так. В день? И когда вам скажут, а не когда вам захочется?

КЛЮЧЕВ: Конечно. А как иначе? Можно скуриться. Нет, я понимаю...

СМИРНОВА: Да нет, просто, представьте. Дело в том, что у нас была дискуссия как раз в Воронеже. В один момент там пришел новый начальник соцзащиты, который говорил про то, какой прекрасный, чудесный, замечательный интернат они построили. Как там дивно, прекрасно, как там людям хорошо и так далее. Я говорю: «Свет во сколько гасите?» Он говорит: «В десять». Я говорю: «А почему?» Он говорит: «Как „почему“?»

Режим». Я прошу прощения, но если вы, я надеюсь, доживете до глубокой старости, я желаю вам не дожить до того момента, когда вам будут гасить свет другие люди, разрешать курить — другие люди. И так далее и тому подобное. Я вам желаю просто не дожить до этого. Правда. Понимаете? А это сегодняшняя реальность.

Я понимаю вас, правда. Я всеми силами пытаюсь проникнуться вашей логикой. Я понимаю, что... Как говорил Атос: «Разучилась пить молодежь, а ведь этот — еще из лучших». Я понимаю, что этот — еще из лучших. Безусловно, но! (смеется) Мне кажется, вы достаточно молоды для того, чтобы проникнуться и другой логикой. Это все равно люди, наши соотечественники. Это наши сограждане. Они ничем не провинились, не совершали преступлений. А мы им говорим: «Режим!» Вот у Натальи Валентиновны, я понимаю... Давайте, поддержите коллегу.

СИМАШКОВА: Мы говорим о психоневрологических интернатах. Людям с этими особенностями легче жить в режиме. Легче! Это я вам объективно говорю, как доктор, психиатр с сорокалетним стажем. И поэтому если ввести разрозненное каждый день... Вот если у аутистов наступит сбой — стереотип нарушается. Если у психопатоподобных, различных нозологий пациентов — сразу пойдут различные привычки «туда-сюда». (возмущение в зале)

СМИРНОВА: Подождите! Прежде чем начнется дискотека родителей, одну секундочку! Голос милосердия можно сейчас прозвучит?

ИОАНН: У меня вопрос. У меня два конкретных случая. Это мои прихожане. Один случай такой: ребенок-аутист только достиг совершеннолетия, поменяли диагноз — он стал шизофреником. И он попал в психоневрологический интернат. Как это возможно? Как по законодательству можно так легко менять диагноз и просто запереть человека в лагере? (аплодисменты) Это первый вопрос. Простите, он не единственный. Давайте три даже. Второй вопрос такой. Тоже случай конкретный, это не слухи, а из жизни. Скажем, у пожилого человека самые-самые первые признаки деменции — тоже заперли в психоневрологический интернат. И как? Знаете, священникам рассказывают очень много — [забрали] с целью просто отобрать жилплощадь. Как это возможно по законодательству? И третий вопрос. Я не психиатр, но все-таки, если человека знаю, вижу на службе, в храме, несколько лет подряд, вдруг какие-то проблемы. Явно человек не опасен для общества, но также попадает в психоневрологический интернат, я его посещаю через неделю, и, простите, он превратился, как говорится, в «овощ». Меня интересует не только психиатрическая основа. Как законодательство Российской Федерации позволяет такие вещи? Чтобы человек, я уже сказал, в Италии 10 мест на 10 000 для лечения, а 10 мест — на 1,5 миллиона. Когда преступники. Да неужели итальянцы намного здоровее психически? Я не думаю, простите, не думаю. Я и сам итальянец. Я хочу понять, почему законодательство...

СМИРНОВА: Вот Павел Юрьевич, пожалуйста.

КАНТОР: Здравствуйте, меня зовут Павел Кантор, я юрист Центра лечебной педагогики. На ваш вопрос про законодательство я хочу сразу ответить. Безусловно, и пожилого, и молодого, и недееспособного человека можно законодательно поместить в интернат в одном единственном случае: если он подписал заявление о том, что он желает быть в этом интернате. Я вас уверяю, что все люди, о которых вы говорите, эти заявления подписали.

ИОАНН: Так это ужасно!

КАНТОР: Вернее так: в их личных делах лежат подписанные заявления о том, что они просят поместить их в психоневрологические интернаты, но такого быть не может.

ИОАНН: Видимо, есть методология, чтобы заставлять этих людей подписать. Потому что я вас уверяю, никто из них не подписывал бы.

КАНТОР: Поэтому мы констатируем тот факт, что во всех психоневрологических интернатах, в том числе и в вашем, находятся люди, которые не хотят там находиться, а в их личных делах лежат заявления о том, что они хотят, подписанные ими самими. Мы все это очень хорошо понимаем. Это так оно и есть. Да?

У меня была вообще другая реплика, я хотел возразить... Может, мне дадут потом... Или лучше сразу?

СМИРНОВА: Скажите, пожалуйста.

КАНТОР: Я тогда хотел, конечно, возразить Маше и Вере и сказать, почему, конечно, психоневрологические интернаты ликвидировать нельзя. Не получится точнее. Потому что на самом деле проблема более общая. Конвенция о правах инвалида говорит о том, что мы должны гарантировать инвалидам достойную жизнь. Но мы не сможем гарантировать достойную жизнь инвалидам среди тех людей, у которых нет достойной жизни. (аплодисменты) Скажу чуть более конкретно. В любом психоневрологическом интернате 40% — это те, от кого отказались семьи, потому что они не могут их содержать, потому что у них нет возможности выделить им более-менее нормальное жилье, управиться с ними, организовать им содержание. Еще 20% — это те, которые просто не смогли обеспечить достойную жизнь себе, и им больше некуда деваться. И пока не поднимется... И поэтому, когда нам говорят про Италию, про Финляндию, про Швецию — это...

СИСНЕВА: Италия — это небогатая страна!

КАНТОР: Небогатая. Вы говорите: «Передать психиатрию на общинный уровень». Я вас уверяю, что любая деревня в Италии — это не деревня Шуя в Новгородской области.

СМИРНОВА: Павел, вы в данном случае выступаете, безусловно, с огневой позиции — за одним исключением. Эта позиция глубоко советская. Потому что дореволюционная Россия, не будучи богатой страной, имея гораздо большее население, имея гораздо больший имущественный разрыв между богатыми и бедными, грамотными и неграмотными, тем не менее была глубоко инклюзивной страной. Сумасшедших домов было крайне мало. Случай, описанный в рассказе Чехова «Палата №6», никогда не распространялся на детей. Никаких сумасшедших домов для детей не было. Мало того: для того чтобы попасть в сумасшедший дом так, как описано в «Палате №6», нужно было, чтобы этот сумасшедший дом где-то поблизости был, а он был очень мало где. На самом деле мы были этносом, чрезвычайно склонным к инклюзии. В котором недаром люди, которых мы сегодня называем инвалидами, люди с ментальными дефицитами, заслужили название «божьих людей», прошу заметить. И обидеть «божьего человека» на Руси считалось страшным грехом. Поэтому та, как вам сказать, совершенная и эстетически герметичная дичь, которую, например, транслирует Наталья Валентиновна, — это явление чисто советское, а не русское. Поэтому говорить о том, что мы бедные люди, поэтому у нас инвалиды жили и живут плохо, и будут жить еще хуже — это ерунда.

ШЕНГЕЛИЯ: Нет, нет, Паша не это говорит. Я знаю, что это твой любимый «конь» про российскую инклюзию, только ты сейчас на нем не туда скачешь. Паша не говорит про бедность.

КАНТОР: Качественно другая ситуация с Российской Империей. Это можно отдельно говорить про статистику психзаболеваний среди популяции, про то, что человек с психическим заболеванием в Российской Империи, может быть, и не жил в психбольнице, но вряд ли он имел достойную жизнь. Мне кажется, сейчас не стоит...

СМИРНОВА: Да, вы знаете, Елизавета Смердящая действительно шаталась по улицам, но ее никому в голову не приходило куда запереть, ограничивать в ее страсти к бродяжничеству и коитальной распущенности, назовем это так. И это отражено в русской классической литературе. Вера права, я могу говорить на эту тему долго. Конструкция по поводу того, что мы не можем закрыть интернаты потому, что мы бедные — это ересь.

КАНТОР: Не потому, что мы бедные, а потому, что у нас нет качественной жизни для людей. Мы не можем дать жизни качественной для психически больных.

СИСНЕВА: Давайте дадим такую, какая она есть.

ИОАНН: Знаете, когда в Италии закрыли «психушки» — это было 40 лет назад — Италия все-таки была совсем другой страной. Совсем не богатой. Притом Мария здесь привела опыт о Калабрии и Сардинии — это далеко не самые богатые области Италии. Наоборот. Сардиния, конкретно та территория, о которой я говорю, — это 17% безработицы из населения. Это бедный район Италии. Тем не менее 40 лет назад закрыли «психушки». Не думаю, что здесь нужно какое-то благосостояние.

ДЕВУШКА ИЗ ЗАЛА: Я хотела добавить, как и кто попадает в ПНИ. ПНИ считается для инвалидов первой и второй группы по психическим заболеваниям, которые частично или полностью не могут себя самообслуживать. Но бывают такие ситуации, человек, например, живущий дома, имеет право прийти и написать заявление: «Я хочу жить в пансионате обычном, общего типа». Ему говорят: «Вы должны собрать документы, пойти к врачам». Человек идет в ПНД, обязательно. И вот уже от ПНД психиатр считает, куда ему идти. Но для человека, который не является инвалидом по психическому заболеванию, если психиатр подчеркивает, что надо ему идти не в интернат общего типа, а в интернат для психохроников — он идет туда. Я спросила психиатра: «Почему так?» Она говорит, что есть такой перечень противопоказаний для пансионата общего типа. Таким образом получается, что в ПНИ находятся люди, которые не инвалиды по психическим заболеваниям вообще.

СМИРНОВА: Что вы ответите на это, Наталья Валентиновна? Вы, как, действительно, флагман отечественной психиатрии.

СИМАШКОВА: Во-первых, до советской власти в России при монастырях, при церквях были дома, где находились и дети с психическими заболеваниями, и взрослые, находились при монастырях, церквях. В Италии, между прочим, при базиликах. Вот если хочешь найти психиатрическую клинику, в командировке бываешь, сразу можешь сориентироваться: так, вот она базилика, большая, — здесь рядом будет или медицинский университет с кафедрой психиатрии, или еще что-то их психиатрии. И там традиции сохраняют.

СМИРНОВА: И там режим?

СИМАШКОВА: Это всемирный опыт.

СМИРНОВА: Да, но там же не запирают, правда?

СИМАШКОВА: К отцу Иоанну вопрос: как в Италии сейчас?

ИОАНН: Так я уже сказал — 40 лет, как не существует просто психоневрологических интернатов. Есть единичные случаи, когда человека можно принудительно, преступника, но крайне редко.

СИМАШКОВА: Я говорю об интернатах, о помощи.

ИОАНН: Нет, помощь, безусловно... Просто в истории Церкви... В истории помощи Церковь действительно очень часто начинала это. Будем все-таки честно. Безусловно, мы, как христиане, должны делать очень много, но государство остается государством. Государство имеет первую ответственность, которую нельзя перекладывать ни на церковь, ни на кого-нибудь другого. Прежде всего, государство должно заботиться о всех.

СМИРНОВА: Насколько мне известно, любая монастырская практика подразумевает, что ты пришел сам и уйти можешь сам. Всегда. Я отдаю должное скиллам, навыкам, это здорово. Но здесь все-таки немножечко, чуть-чуть не будем подменять. Их там не запирают. Так, сейчас простите, тут вопрос именно Наталье Валентиновне, как я поняла. Пожалуйста.

РАМОНОВА: Вопрос-предложение, Наталья Валентиновна, в продолжение того, что сказала прекрасная девушка, к сожалению не знаю, как вас зовут. Очень часто и очень много со всех сторон нашей необъятной страны... Меня зовут Алена. Мы слышим историю про то, что психиатр решает, что, как и для чего надо делать. Это, наверное,

здорово, это, наверно, классно, если этот психиатр профессионал. Что я всегда ставлю под вопросом.

Но вы сказали такую вещь, которая не могла не вызвать у меня бурю эмоций. Я говорю очень эмоционально. Вы сказали о том, что людям с аутизмом проще, лучше, по-разному в организованной среде. Которую вы называете организованной средой, мы называем «ужасное место ПНИ». Скажите, пожалуйста, а почему бы нам не спросить у этого человека с аутизмом, как ему лучше? У меня брат. Ему 23 года. Психиатрия давно решила, что среди нас ему делать нечего. Он семейный, он живет в прекрасном доме, у него прекрасные родители. Но этот человек, в 23 года, мечтает, чтобы я приехала домой и организовала ему не «постоянную среду», а он мог выехать куда-то с моими друзьями, потому что у него своих друзей нет, потому что он невербальный. Чтобы он мог поехать куда-то и сделать что-то такое, что не вписывается ни в какой регламент. Этот человек, у которого глубокая умственная отсталость, своим поведением и своими карточками 2 по 3 говорит о том, что ему нужно вот это, а не структурированная... Не ПНИ, ребят! Структурированная прекрасная среда, о которой большая часть нашей прекрасной родины даже мечтать не приходится. Давайте мы не будем за них решать, давайте мы просто один раз их увидим и спросим!

СМИРНОВА: Итак, ваш вопрос был: почему не спросить человека с аутизмом?

РАМОНОВА: Спасибо!

СИМАШКОВА: Я говорила о режимных моментах в социуме: режим детского сада, школьный режим, институт. Он приводит к положительным результатам, что есть, то есть. Это социализация. Самая главная проблема у больных с расстройствами аутистического спектра – это нарушение социализации. Это в ответ на этот вопрос.

СИСНЕВА: Какая может быть социализация в закрытом изолированном учреждении?

СИМАШКОВА: Зачем в закрытом? Я говорю о детском саду, о школе...

СИСНЕВА: Так оно закрыто. Нет, вы говорите про больных. Что вот у больных самое слабое место – это социализация, а вот в интернатах дисциплина и режим.

СИМАШКОВА: Не только в интернатах дисциплина и режим! Ну, в социуме мы как существуем?

СИСНЕВА: Нет, но мы же сейчас говорим не про социум, а про психоневрологические интернаты. Я логически продолжаю вашу мысль. Вы говорите: десоциализация – главная проблема, но в интернатах, поскольку люди за забором, они в закрытой среде с людьми с разными нарушениями. Инклюзия как раз построена на том, чтобы адаптированные люди общались с малоадаптивными – и за счет этого навыки адаптации возрастают. Здесь они все закрыты, люди с разнообразными нарушениями еще дополнительно друг друга индуцируют, становятся более низкофункциональными. Откуда социализация там возмется?

СИМАШКОВА: Я отвечу сначала на ваш вопрос. Вот смотрите, ваш брат. Он же вас ждет. Потому, что ждет, зная, что вы его можете повести туда, сюда. Он ждет!

РАМОНОВА: Нет. Вы замещаете понятия. Я сейчас говорю, что это история не про структурированность и муторность, или как это сказать? Одинаковость! Это история про жизнь! А жизнь она разная.

СИМАШКОВА: Я сегодня о чем говорила во время лекции? Я говорила о персонализированном подходе. Я говорила, что они все под одну линейку подходят? Нет. Это совершенно иное. Каждый человек – это индивидуальность.

СМИРНОВА: Наталья Валентиновна, подождите, подмога подошла незаметно. Елена хочет вас поддержать.

ЦВЕТКОВА: Вообще я хотела не Наталью Валентиновну поддержать, а про другое сказать. Меня так впечатлило, что вы рассказали про Италию, но, мне кажется, мы

сосредоточились только на одной части этого успешного... позвольте мне назвать это проектом. Они закрыли учреждения, но при этом они создали такую разветвленную службу помощи. Мы все знаем Снежану Митину, правда? Которая, да, орфанные заболевания. Мы когда-то с ней разговаривали, она говорит: «Я в Бутово живу, у нас тут реабилитационный центр». Я говорю: «Ну классно, ты же можешь получать помощь». «Да, — говорит — только я в Южном, а центр в Северном». Я говорю: «И что?» Ну, я живу на другом конце Москвы, я не понимаю. Она говорит: «Лен, пока доедешь, полтора часа пройдет, а помощь, она, как булочная, должна быть в шаговой доступности». Мне кажется, если мы разрушим систему, мы просто попадем в вакуум. Давайте, может, мы сначала построим такую систему помощи. Мы про это как-то не говорим. Мы говорим про то, что свет... Я согласна. Вообще это неправильно. У меня взрослые дети ложатся спать, когда они хотят. А когда им сделали ремонт, я смотрю и говорю строителям: «Ребят, а чего вы сделали выключатель один?» «Ну а что, свет выключили и все». Я говорю: «Вы дома, когда книгу читали, вы встаете и выключаете? Почему бра нет?» Понимаете? Это из таких мелочей состоит та самая жизнь, о которой мы все говорим. Давайте сделаем помощь психиатрическую.

СИСНЕВА: Хочу сказать, что почему-то идет такая подмена понятий, все время транслируют такую страшилку, что: «Общественники хотят в один день закрыть все психоневрологические интернаты, всех больных выгнать, и они убьют наших детей в песочнице». Вот примерно такая страшилка. Мы все время говорим о том, что мы хотим, чтобы было так: в реабилитационном центре 20 мест открыли — в ПНИ 20 мест закрыли, квартиры сопровождаемого проживания на 50 человек открыли — в ПНИ 50 мест закрыли. Я говорю максимально доступно, чтобы разрушить эту страшилку. Мы не предлагаем никого выгнать на улицу. Мы предлагаем сначала создать другую...

ЦВЕТКОВА: Маш, обратите внимание, на название нашей секции.

СИСНЕВА: А я с этим названием не согласна. Я в своем первом же предложении сказала, что единственная причина, почему ПНИ нельзя закрыть прямо сейчас — это потому, что пока не созданы альтернативы, но с этим «пока» можно сидеть до марковкиного заговенья, надо их создавать.

СМИРНОВА: Господи, тут многие мне подают сигналы, что надо закругляться. Я примерно представляю себе, девочки, что у вас есть, что сказать. У меня вопрос, Анна Марковна Берколайко, наш бизнес-тренер, которая работает с родительской ассоциацией, хотела спросить.

БЕРКОЛАЙКО: Я не спросить. Я от младореформаторов, так сказать. Коллеги, даже не мой, а мировой опыт реформаторства, неважно какой системы, электроэнергетики, ПНИ, системы образования, здравоохранения и т.д. Опыт реформирования любой системы говорит о том, что до тех пор, пока не назначена конкретная дата, когда мы вешаем амбарный замок на все ПНИ, не возникнет ни реабилитационных центров, ни поддерживаемого системного проживания потому, что система начинает шевелиться и перенаправлять ресурсы тогда, когда у нее есть конечный срок окончания ее существования. Мы так и будем говорить о том, что мы не можем закрыть сегодня ПНИ, потому что этим людям негде жить, а вместо того, чтобы построить им дом для жилья, будем строить очередной ПНИ на 10 человек — им же негде жить. Только политическая воля того, кто возглавляет этот проект, а это действительно должен быть проект...

СМИРНОВА: Послушайте! Анна Марковна, ты гений все-таки абсолютнейший. У меня родилось грандиозное предложение. Наталья Валентиновна, я уверена, что вся аудитория, мы все впечатлены вашими бойцовскими навыками. Мы вас просим, возглавьте, пожалуйста движение по борьбе с ПНИ! (аплодисменты) Вы себе не представляете на какую высоту мы вас все поднимем, вы будете не просто флагманом науки, вы будете нашим знаменем. Потому что если ваш ум, ваше спокойствие, вашу выдержку, вашу энергию, ваши регалии пустить в мирное русло общественных интересов, клянусь вам, я буду служить вам до того момента, пока меня не покинет разум. Возглавьте нас, Наталья Валентиновна. Согласитесь, что это крутое предложение?

СИМАШКОВА: (смеется) Очень признательна. Тем более сегодня всемирный день психического здоровья. Так что всех поздравляю!

БЕРКОЛАЙКО: И прямо назначить дату через 2 года, когда ПНИ должны закрыться.

СИМАШКОВА: Вы знаете, сколько я всего возглавляю?

СМИРНОВА: Я вас прошу, возглавьте движение за закрытие ПНИ. Мы с вами вместе горы свернем, я вам обещаю!

Мы должны суммировать то, что мы на ближайшее время составили план жизни Натальи Валентиновны Симашковой. Значит, во-первых, Наталья Валентиновна приглашается в учреждение, в котором работает Вера, чтобы посмотреть, как это бывает, и чтобы посмотреть, что альтернативы бывают, они делаются и они существуют. Во-вторых, Наталья Валентиновна рассматривает наше предложение о том, чтобы возглавить движение против ПНИ.

ШЕНГЕЛИЯ: Пока Наталья Валентиновна думает, давай все-таки вспомним, что пока Наталья Валентиновна не приняла это предложение, это все-таки находится в ведении министра Максима Топилина. Как-то хочется, чтобы мы не забыли его.

СМИРНОВА: Безусловно, просто дело в том, что, Вер, нам очень нужна поддержка психиатрии. Честно сказать, ведомство Максима Топилина, при моем глубоком уважении к нему персонально, например, на этой конференции представлено слабее всего. Поскольку Минсоцтруда изначально на наше приглашение откликнулось тем, что, к сожалению, «не имеет возможности поучаствовать в нашем фестивале». Я цитирую дословно, да. (смех в зале)

ШЕНГЕЛИЯ: У нас тоже есть фестиваль, куда они не приходят.

СМИРНОВА: Господа. Дамы и господа, спасибо вам огромное! Я на этом официальную часть нашего фестиваля объявляю закрытой и приглашаю всех к неофициальному общению. Я благодарю всех участников дискуссии. Каждому по отдельности скажу, за что. На самом деле, Елена, не сидите с таким скорбным лицом. Думайте о нас! Спасибо всем большое! Поздравляю с окончанием конференции. Спасибо всем, кто был с нами.